

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-683-699

Научная статья / Research article

Германо-алжирские отношения к началу 2020-х гг. в контексте регионального курса ФРГ: политические и военные аспекты

Ф.О. Трунов

Институт общественной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
Москва, Российская Федерация
 ltrunov@mail.ru

Аннотация. С начала XXI в. отмечается заметный рост усилий ФРГ по обеспечению безопасности в акватории Средиземного моря. Это выступает частью деятельности по обеспечению прочных стратегических позиций в Северной и Западной Африке, в том числе урегулированию здесь действующих вооруженных конфликтов как источников угроз нестабильности для Германии и ее партнеров по ЕС. Соответственно, наблюдается повышенная заинтересованность ФРГ в поиске надежных стратегических партнеров, одним из которых выступает Алжир, чем обусловлена актуальность выбора темы статьи. Цель исследования — изучение двусторонних отношений в сфере безопасности и обороны с фокусом на период второй половины 2010-х — начало 2020-х гг. Применяются методы сравнительного и ивент-анализа. Имея прикладной характер, данная тематика пока не нашла подробного освещения в работах как отечественных, так и зарубежных, особенно немецких, исследователей. Изучается исторический фон диалога. Показывается рост числа контактов на высшем уровне во второй половине 2010-х гг. с вынужденным фокусированием ФРГ на переговорах с часто менявшейся фигурой премьер-министра Алжира. Выделены сдерживающие факторы для развития сотрудничества вооруженных сил двух стран на суше и море, изучена динамика военно-технической кооперации. Рассмотрены особенности координации усилий по урегулированию вооруженного конфликта в Мали — прежде всего, нормализации ситуации в северных провинциях страны (Гао, Кидаль и Томбукту). Выявляется направленность политико-дипломатического сотрудничества на ливийском треке в середине и второй половине 2010-х гг., а также вскоре после проведения Берлинской конференции по Ливии в январе 2020 г. В начале 2020-х гг. наблюдался резкий спад интенсивности и объемов кооперации практически на всех направлениях. Помимо COVID-19 отмечается важность внутривнутриполитических факторов и временное снижение практической ценности партнерства в Ливии и Мали для Германии. Дается прогноз динамики двусторонних отношений.

Ключевые слова: межгосударственные отношения, дипломатия, ФРГ, Алжир, Северная Африка, Мали, Ливия, вооруженные конфликты, урегулирование

© Трунов Ф.О., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Трунов Ф.О. Германо-алжирские отношения к началу 2020-х гг. в контексте регионального курса ФРГ: политические и военные аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 683—699. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-683-699

German-Algerian Relations by the Early 2020s in the Context of the Germany's Regional Policy: Political and Military Aspects

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS),
Moscow, Russian Federation

 1trunov@mail.ru

Abstract. Since the beginning of the 21st century, there has been a noticeable increase in German efforts to ensure security in the Mediterranean Sea. This is part of the growing activities to ensure a strong strategic position in North and West Africa, including the settlement of existing armed conflicts here as sources of threats to instability for Germany and its EU partners. Consequently, Germany found itself increasingly interested in finding reliable strategic partners, one of which is Algeria, which makes the topic of this article relevant. The purpose of the study is to examine bilateral security and defense relations with a special focus on the second half of the 2010s and early 2020s with the help of comparative and event-analysis. Having an applied character, this topic has not yet found detailed coverage in the works of both domestic and foreign, especially German, researchers. The historic background of the German-Algerian dialogue is presented. The growth of high-level contacts in the second half of the 2010s is shown, with Germany having to focus on negotiations with the frequently changing figure of the Algerian prime minister. The article also explores the constraints for the cooperation of German and Algerian armed forces on land and sea, as well as the dynamics of military-technical cooperation. The bilateral cooperation in the resolution of the armed conflict in Mali, first of all, in its northern region (Gao, Kidal and Timbuktu) is considered. The political and diplomatic cooperation on the Libyan track in the middle and second half of the 2010s, as well as shortly after the Berlin Conference on Libya in January 2020, is revealed. In the early 2020s, there was a sharp decline in the intensity and volume of bilateral cooperation in almost all areas. In addition to COVID-19, the importance of domestic political factors and the temporary decline in the practical value of the partnership in Libya and Mali for Germany are stressed. A forecast of the dynamics of bilateral relations is finally given.

Key words: interstate relations, diplomacy, Germany, Algeria, Northern Africa, Mali, Libya, armed conflicts, resolution

For citation: Trunov, Ph. O. (2021). German-Algerian relations by the early 2020s in the context of the Germany's regional policy: Political and military aspects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 683—699. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-683-699>

Введение

С начала XXI в. наблюдается рост усилий ФРГ в сфере безопасности и обороны в зоне Средиземного моря, особенно в рамках расширения военно-морского присутствия. Уже с начала 2000-х гг. ВМС Германии принимали участие в имевшей антитеррористическую направленность операции НАТО «Активные усилия» (*Active Endeavor*) в средиземноморской акватории¹. После прекращения ее

проведения в условиях свертывания деятельности первой западной антитеррористической коалиции в целом в середине 2010-х гг. на Варшавском саммите Альянса в июле 2016 г. было принято решение о запуске миссии-продолжения — «Морской страж» (*Sea Guardian*)². Оно было поддержано ФРГ как в

for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. P. 74.

² Mittelmeer — Sea Guardian // BMVg. 2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/mittelmeer-unifil-irini-sea-guardian/sea-guardian-nato-operation> (accessed: 30.07.2021).

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate

политическом, так и в военном отношении: был установлен и сохранялся высокий «потолок» контингента бундесвера (по меркам именно военно-морской операции) — 650 военнослужащих на момент 2021 г.³, притом фактическая численность миссии составляла по состоянию на июль 2021 г. 365 моряков и офицеров ВМС ФРГ, то есть полноценную военно-морскую группу, что было вторым по численности (после многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА)) показателем среди группировок бундесвера в составе многосторонних сил вне зоны ответственности НАТО⁴.

Основными задачами военных кораблей являлось охранное сопровождение пассажирских и особенно транспортных судов. Зоной проведения операции «Морской страж» была обозначена вся акватория Средиземного моря, притом корабли стран — участниц НАТО, в том числе ФРГ, резко интенсифицировали дружеские визиты в порты Алжира, Туниса и Египта к началу 2020-х гг.⁵ Параллельно с операцией «Морской страж» в Средиземноморье до половины календарного года с конца 2000-х гг. оперируют 2-я постоянная морская и 2-я постоянная контрминная группы НАТО, в состав которых ФРГ на ротационной основе предоставляет надводные боевые корабли и вспомогательные суда⁶.

Еще в марте 1978 г. в ходе вторжения Израиля на юг Ливана в регионе были развернуты Временные силы ООН в Ливане (ВСООНЛ) с целью подтверждения вывода

израильских сил с оккупированных территорий. После завершения вооруженного конфликта между Израилем и партией «Хезболла» на юге Ливана в 2006 г. мандат миссии был существенно расширен — теперь миротворцы должны были наблюдать за прекращением боевых действий в регионе и др.⁷ С момента ее учреждения представители ФРГ неоднократно принимали на себя руководство военно-морской составляющей сил ВСООНЛ, и Берлин вносил решающий вклад в их комплектование и деятельность. ВМС Германии участвовали в мониторинге условий выполнения соглашений о прекращении огня августа 2006 г., досматривая проходящие суда на предмет перевозки оружия и взрывчатых веществ, своим присутствием не допуская флот Израиля в территориальные воды Ливана. ФРГ также оказывала активную помощь Ливану, поставляя на безвозмездной основе радиолокационные станции (РЛС) и поддерживаемые катера, а также участвуя в подготовке сил охраны побережья Ливана⁸.

Хотя «потолок» контингента бундесвера в составе ВСООНЛ в 2006—2021 гг. существенно сократился (с 1400 до 300 военнослужащих), ФРГ продолжает вносить вклад в обеспечение мира в территориальных водах и на побережье Ливана под эгидой ООН⁹. В июле 2021 г. здесь находилось 130 моряков и офицеров (4-е место по числу военных

³ Mittelmeer — Sea Guardian // BMVg. 2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/mittelmeer-unifil-irini-sea-guardian/sea-guardian-nato-operation> (accessed: 30.07.2021).

⁴ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der NATO-geführten Maritimen Sicherheitsoperation SEA GUARDIAN im Mittelmeer // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/26558, 10.02.2021. S. 4.

⁶ Standing NATO Maritime Group Two (SNMG2) // MARCOM — Allied Maritime Command. 2021. URL: <https://mc.nato.int/SNMG2> (accessed: 30.07.2021).

⁷ ВСООНЛ — Фактологический бюллетень // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/unifil> (дата обращения: 30.07.2021).

⁸ См.: Libanon — UNIFIL // BMVg. 2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/mittelmeer-unifil-irini-sea-guardian/die-bundeswehr-im-libanon> (accessed: 30.07.2021); Bundeswehr setzt UNIFIL-Mission fort // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 12.01.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/sicherheit-und-verteidigung/bundeswehr-setzt-unifil-united-nations-interim-force-in-lebanon-mission-fort-1605862> (accessed: 30.07.2021).

⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der „United Nations Interim Force in Lebanon“ (UNIFIL) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/29626, 12.05.2021. S. 5—6.

в списке действующих миссий бундесвера вне зоны ответственности НАТО)¹⁰.

С мая 2015 г. по июнь 2019 г. ВМС ФРГ принимали участие в операции ЕС «София» (Sophia), основной задачей которой являлось недопущение (точнее, сокращение объемов) неконтролируемого перемещения масс беженцев из стран Африки и Ближнего Востока в ЕС¹¹. Соответственно, миссия «София» была инструментом снижения того огромного давления, которое оказывалось на ЕС в ходе миграционного кризиса 2015—2016 гг. Основной поток беженцев попадал в Европу через огромную «зону нестабильности», возникшую на территории Ливии, прежде всего вследствие вмешательства группы стран — участниц НАТО в ход вооруженного конфликта в этой стране в 2011 г., далее перемещаясь в южноевропейские страны — члены ЕС через Средиземное море.

Небезуспешная попытка перекрыть «ливийские ворота» посредством урегулирования в этой стране была предпринята на Берлинской конференции в январе 2020 г. Одним из ее следствий стало развертывание в марте 2020 г. новой миссии ЕС «Ирини» (IRINI) с активным участием Германии. Ключевой задачей миссии выступал мониторинг прекращения огня и недопущение перевозок на ливийские территории морским путем оружия, взрывчатых веществ и наемников. Операция «Ирини» проводилась в территориальных водах Ливии¹². При неизменном «потолке» в 300 военнослужащих фактическая численность

личного состава ВМС ФРГ составляла 47 человек по состоянию на июль 2021 г.¹³

Всего в начале 2020-х гг. в акватории Средиземного моря было развернуто три из четырех военно-морских контингентов ФРГ (еще один — в составе сил ЕС «Аталанта» (Atalanta) по борьбе с пиратством у берегов Сомали имел де-факто всего два (!) военных моряка на июль 2021 г.¹⁴) и было задействовано свыше 27 % от общего числа военнослужащих бундесвера по состоянию на середину 2021 г.¹⁵ Более того, присутствие Германии в средиземноморской акватории осуществлялось под эгидой НАТО, ООН и ЕС одновременно.

Это резко контрастировало с ограниченностью наземных усилий ФРГ в Средиземноморском регионе: ни в Ливии, ни в Ливане не было сухопутных контингентов Германии; более того, бундесвер практически не использовался в учениях на территории южноевропейских стран — участниц НАТО. Чем обусловлена данная разница? Прежде всего, нежеланием официального Берлина оказаться втянутым в реальные боевые действия, особенно с участием террористических или в целом радикальных формирований, что чревато риском безвозвратных потерь и отзывом мандата Бундестага. В случае государств — членов Альянса в Южной Европе следует отметить ограниченность контактов в области безопасности и обороны (даже с Испанией, Португалией и Грецией, не говоря уже о малых странах региона) либо наличие геостратегической конкуренции (в случае Италии, которая последовательно стремится не допустить закрепления за Германией роли «старшего партнера» в двусторонних отношениях).

¹⁰ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

¹¹ Mittelmeer — EUNAVFOR MED Operation Sophia // BMVg. 2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/abgeschlossene-einsaetze-der-bundeswehr/eunavfor-med-operation-sophia> (accessed: 30.07.2021).

¹² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten Operation EUNAVFOR MED IRINI // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/27661, 17.03.2021. S. 4—6.

¹³ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Рассчитано автором на основе: Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

Значимой причиной можно считать также угрозу региональных (в Средиземноморье) игроков, которые могут рассматриваться в качестве надежных партнеров в общеполитической и военной сферах после событий «арабской весны». Они привели к глубоким внутренним изменениям в большинстве затронутых ею стран, причем в значительной части случаев это сопровождалось существенным снижением уровня внутренней стабильности и предсказуемости на международной арене. Иллюстрацией тому служит провал попыток ФРГ установить дружественные отношения с режимом «Братьев-мусульман»¹⁶, пришедших к власти в условиях свержения президента Х. Мубарака, и те сложности, которые возникли с учетом этих усилий после утверждения в Арабской Республике Египет военных во главе с фельдмаршалом А. ас-Сиси — заметный подъем диалога стартовал лишь с начала второй половины 2010-х гг.

Несмотря на существенный рост объемов сотрудничества с ФРГ, Тунис в свете ограниченности его ресурсной базы, а также колоссального давления угроз нестабильности с ливийской территории также не мог рассматриваться в качестве влиятельного регионального партнера. ФРГ приходилось учитывать рост угроз не только с ближневосточного, но и африканского направления. Активизация террористических группировок в Нигерии, а также странах «сахельской пятерки» (прежде всего в Мали) к середине 2010-х гг. вкупе с деградацией института государства в Ливии создавали мощные источники угроз нестабильности, проецируемых на ЕС с юга и способных создать как минимум новый миграционный кризис в увязке с активизацией боевиков в странах — участниках объединения.

На этом фоне повышенную ценность для ФРГ приобретал Алжир, который в реалиях второй половины 2010-х гг. выступал, несмотря на многочисленные внутренние проблемы, «бастионом безопасности» одновременно для Средиземноморья, Северной Африки и Западного Сахеля. Симптоматично

¹⁶ Организация запрещена в РФ.

восприятие Алжира официальным Берлином в качестве «якоря стабильности в регионе»¹⁷.

Задача статьи — раскрытие характера и содержания германо-алжирских отношений в общеполитической и военной сферах в середине — второй половине 2010-х гг. Двусторонние отношения не могут быть рассмотрены вне «эффекта переплескивания», то есть вписывания их в более широкий контекст действий ФРГ в Средиземноморье, Северной и Западной Африке.

Основными методами исследования выбраны сравнительный анализ (прежде всего в контексте сопоставления подходов ФРГ к развитию диалога с Алжиром в середине 2010-х гг. и на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в.) и ивент-анализ. Так, изучаются чувствительные политико-дипломатические (официальные визиты на высшем уровне, их отмены, старт и развитие переговорных процессов) и военные (развертывание миссий в сопредельных территориях и акваториях, крупные поставки вооружений и военной техники) мероприятия.

Отечественными исследователями двусторонние германо-алжирские отношения рассматривались точно в контексте развития экономических (Ткаченко, 2011) и политических (Жирнов, 2007; Казаринова, 2017; Ханнанова, 2017) контактов ФРГ со странами севера Африки, притом в основном применительно лишь к концу 2000-х — середине 2010-х гг. Рассматривая внешнюю политику самого Алжира, российские специалисты уделяли основное внимание общим вопросам ее развития (Богучарский, 2008) и особенно связям с Францией (Бородкина, 2013). На страницах отечественных изданий также рассматривались вопросы российско-алжирского диалога (Mousli, 2019).

Для иностранных, прежде всего самих немецких, экспертов также характерно вписывание диалога ФРГ с Алжиром в более насыщенные кейсы политики Германии в

¹⁷ Algerien ist Stabilitätsanker in der Region // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 12.01.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/algerien-ist-stabilitaetsanker-in-der-region-321054> (accessed: 30.07.2021).

Африке в целом. В период «арабской весны» наиболее подробно исследовалась ситуация в Тунисе и Ливии, но не сопредельной с ними арабской стране (Pinfari, 2012).

Наибольшее внимание уделялось эволюции стратегии и тактики официального Берлина в Мали и в целом в странах «сахельской пятерки» (Буркина-Фасо, Мавритания, Нигер, Чад) с момента подключения германской стороны к борьбе с угрозами нестабильности в данном регионе в 2013 г., однако фактор Алжира фактически игнорировался (Kaim, 2013; Lacher & Tull, 2013), и это притом, что «туарегский вопрос», обострение которого стало ключевой причиной риска обрушения государственности в Мали, в полной мере стоял и перед Алжиром, что признавалось немецкими учеными (Klute, 2013). Лишь к середине 2010-х гг. обозначилась принципиальная важность сотрудничества с Алжиром как фактора для достижения успехов в сахельской зоне (Hanish, 2015, pp. 1—3). Однако не наблюдалось попыток раскрытия его практического потенциала: в частности, при освещении масштабных усилий ФРГ по реорганизации армии Мали (Tull, 2017; 2019a), а также «узких мест» участия Германии в деятельности миссии МИНУСМА в этой африканской стране (Peifer, 2016; Kinzel, 2020; Tull, 2019b) внимание было обращено на сотрудничество с Францией и рядом региональных стран — участниц Африканского союза (АС), но не с Алжиром. Этот подход не претерпел существенных изменений даже в 2020—2021 гг., когда на фоне имевшихся серьезных проблем, обостренных фактором пандемии, стала наблюдаться заметная деградация стабилизации в Мали (Lacher, 2021, pp. 25—37).

Аналогичный характер носило изучение экспертами из ФРГ действий Берлина по урегулированию конфликтов как в Мали, так и Ливии (Lacher, 2018; 2021; Pusztai, 2015), хотя уже в силу своего географического положения и ресурсных возможностей Алжир оказывал на них существенное влияние (Васецова, 2017). Недооценивалась его роль и при рассмотрении развития средиземноморской стратегии ЕС в целом (Harder, 2013).

Некоторый рост интереса к ситуации внутри Алжира стал наблюдаться в контексте развития событий «арабской весны» и их последствий (Mühlhausen & Riedel, 2015), особенно роста миграции в эту страну с территории соседей (Werenfels, 2018) и сохранения беспорядков в стране, стартовавших в связи с попытками А. Бутефлики переизбраться на пятый срок (до апреля 2019 г.)¹⁸.

В статье сделана попытка исследовать сотрудничество Германии и Алжира в области безопасности и обороны по проблемному принципу. Ключевая роль будет отводиться использованию источников, основу которых составляют материалы пресс-службы Федерального правительства и МИД ФРГ.

Исторические и общеполитические контуры диалога

С 1830 г. Алжир был колонией Франции. Последняя со времени франко-прусской войны 1870—1871 гг. и до капитуляции Третьего рейха в 1945 г. рассматривалась официальным Берлином в качестве одного из ключевых противников. Однако, стремясь к разгрому и оккупации метрополии, а в годы Второй мировой войны — и части колоний, подмандатных французских территорий, Германия не предприняла сколько-нибудь масштабных попыток стратегического проникновения в Алжир. Так, в 1941—1943 гг. в Северной Африке зона оперирования вермахта ограничивалась западной частью Египта, Ливией и Тунисом, однако отнюдь не Алжиром¹⁹, притом это положение не изменилось даже после оккупации юга французской метрополии в ноябре 1942 г.: Алжир был оставлен под юрисдикцией режима Виши. Тем самым Германия даже на пике своих возможностей и результатов в деле осуществления агрессии де-факто демонстрировала неспособность обеспечить полноценное военное и политическое присутствие в Алжире.

¹⁸ Werenfels I., Mische L. Ein Jahr Proteste in Algerien: Wer wird sich durchsetzen? // SWP. 14.02.2020. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/ein-jahr-proteste-in-algerien> (accessed: 30.07.2021).

¹⁹ Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление, 1974. С. 284.

Тем более не стремилась к сколько-нибудь заметному участию в решении проблем безопасности и обороны в Алжире Боннская республика. В частности, ФРГ дистанцировалась от войны Франции в Алжире (1954—1962 гг.). Показательно, что после обретения страной независимости достаточно медленно развивались даже внешнеэкономические связи ФРГ с ней — так, по состоянию на конец 2010-х гг. в Алжире работали всего 0,2 тыс. германских фирм²⁰. Это диссонировало с традиционным для Боннской (а затем и Берлинской) республики стремлением к наращиванию торгово-промышленных связей со странами Азии и Африки. Ограниченность объемов экономического сотрудничества даже в начале XXI в. вновь отражала уже отмеченную тенденцию недостаточного внимания к Алжиру в германской внешнеполитической деятельности до середины 2010-х гг.

Представленный исторический фон создавал, как ни парадоксально покажется на первый взгляд, не только трудности, но и существенные преимущества — прежде всего имиджевого характера — для перспективного развития двусторонних отношений. В них фактически отсутствовало негативное значение фактора исторической памяти — напротив, оно было скорее позитивным. Так, Германия не ассоциировалась в сознании алжирского общества и элиты с непростым колониальным прошлым. Положительному восприятию ФРГ способствовало и отсутствие официальной поддержки с ее стороны силовым действиям Франции в Алжире в 1954—1962 гг. В этой связи особо следует отметить факт неучастия Германии в военно-воздушной операции группы стран НАТО в Ливии и последующем убийстве М. Каддафи в 2011 г. Это также обеспечивало резко выигрышное восприятие истеблишмента ФРГ (и персонально А. Меркель) со стороны лидеров стран Африки — прежде всего Западной и Северной, в том числе и Алжира, и стало

²⁰ Beziehungen zu Algerien. Deutschland investiert in algerische Sicherheit // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutschland-investiert-in-algerische-sicherheit-1523386> (accessed: 30.07.2021).

одной из причин подъема германо-алжирского диалога на высшем уровне.

Де-юре его интенсификация началась с 2015—2016 гг., то есть на фоне миграционного кризиса в ЕС. Показателем этой тенденции стал выход частотности прямых двусторонних переговоров на высшем уровне на показатель один раз в 18—24 месяцев во второй половине 2010-х гг.²¹

12 января 2016 г. в Берлин с официальным визитом прибыл премьер-министр Алжира А. Селлаль. Его приезд сопровождался проведением с максимальной торжественностью всех положенных процедур. Этот факт далеко не случаен: переговоры продемонстрировали резко возросшую заинтересованность ФРГ в Алжире как гаранте региональной безопасности и в этой связи — в существенном углублении кооперации с ним в борьбе с международным терроризмом, прежде всего на малийском, а также ливийском треках²².

Следует подчеркнуть, что частота встреч на высшем уровне могла бы быть существенно большей (с выходом на ежегодный показатель), если бы не весьма напряженная по своему характеру ситуация в высшем руководстве Алжира. Так, в начале февраля 2017 г. был анонсирован запланированный на 20—21 февраля 2017 г. визит А. Меркель в Алжир — он должен был носить характер ответного после поездки премьер-министра А. Селлала в Берлин в 2016 г. Однако буквально в последний момент алжирская сторона обратилась к германской с просьбой отменить визит²³. Поводом для этого была

²¹ Рассчитано автором на основе данных сайта Ведомства федерального канцлера: URL: <https://www.bundestkanzlerin.de/> (accessed: 30.07.2021).

²² Algerien ist Stabilitätsanker in der Region // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 12.01.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/algerien-ist-stabilitaetsanker-in-der-region-321054> (accessed: 30.07.2021).

²³ Reise von Bundeskanzlerin Merkel in die Demokratische Volksrepublik Algerien verschoben // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 20.02.2017. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/reise-von-bundestkanzlerin-merkel-in-die>

обозначена болезнь президента А. Бутефлика²⁴, хотя к этому времени он имел серьезные проблемы со здоровьем уже продолжительное время (как минимум с 2013 г.). С учетом этого до конца 2010-х гг. диалог А. Меркель выстраивала с фигурой именно премьер-министра Алжира, что осложнялось частой сменой персон, занимавших данный пост.

Более реальной причиной отмены визита уместно признать подготовку запланированных на 4 марта 2017 г. выборов в парламент: для пропрезидентских «Фронта национального освобождения» (ФНО) и «Национального демократического объединения» (НДО) было крайне важно сохранить устойчивое большинство в депутатском корпусе: так, выборный список ФНО возглавил А. Селлаль. В условиях риска утраты электоральной поддержки ФНО, а также персонально А. Бутефликой процесс подготовки к выборам в парламент заставил руководство Алжира временно снизить внешнеполитическую активность. Вызывает интерес реакция ФРГ: Ведомство федерального канцлера подчеркнуло полный учет просьбы алжирской стороны, не выразив какого-либо официального недовольства. Уже на следующий день после отмены визита, 21 февраля 2017 г., состоялся продолжительный телефонный разговор между А. Меркель и А. Селлалем, в ходе которого германская сторона подчеркнула исключительный интерес к интенсификации диалога, в том числе на малийском и ливийском направлениях²⁵.

Возросшая к концу 2010-х гг. практическая ценность Алжира как партнера в области обеспечения безопасности и обороны обуславливала повышенное внимание Германии к процессу смены высшей элиты в этой

североафриканской стране. 2 апреля 2019 г. под давлением масштабных протестных акций А. Бутефлика, пересмотрев первоначальное решение о выдвижении своей кандидатуры на новый (уже пятый) президентский срок, ушел в отставку. На фоне этого события и неопределенности, предшествовавшей ему как минимум с 2017 г., А. Меркель продолжала выстраивать диалог с премьер-министром страны. Так, 17 сентября 2018 г. она «сверила часы» по всем ключевым вопросам повестки дня с занимавшим этот пост А. Уяхья²⁶. Причем встреча проходила в Алжире — тот факт, что в данном случае визит состоялся, несмотря на сохранение сложной ситуации вокруг фигуры А. Бутефлика, свидетельствовал о растущей взаимной заинтересованности сторон в сохранении полноценного сотрудничества.

Переходный период в алжирской внутренней политике продолжался с апреля по середину декабря 2019 г., завершившись избранием новым президентом страны А. Теббуна. Уже 19 января 2020 г. он встретился с канцлером А. Меркель на полях Берлинской конференции по Ливии. Однако в последующие полтора года двусторонние встречи на высшем уровне не проводились²⁷. Почему и о чем это свидетельствует?

Разумеется, следует подчеркнуть значение фактора COVID-19, приведшего к «подмораживанию» мирополитических процессов: это не стало исключением для самой ФРГ, которая с весны 2020 г. по весну 2021 г. представляла собой один из эпицентров пандемии. Принимая также во внимание предшествующую частотность встреч на высшем уровне (раз в 1,5—2 года) во второй половине 2010-х гг., некоторое «замирание» диалога

demokratische-volksrepublik-algerien-verschoben-750036 (accessed: 30.07.2021).

²⁴ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem algerischen Premierminister Abdelmalek Sellal // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 21.02.2017. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-algerischen-premierminister-abdelmalek-sellal-750060> (accessed: 30.07.2021).

²⁵ Ibid.

²⁶ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem algerischen Premierminister Ahmed Ouyahia in Algier // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 17.09.2018. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-algerischen-premierminister-ahmed-ouyahia-1523382> (accessed: 30.07.2021).

²⁷ На основе данных сайта Ведомства федерального канцлера: URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/> (accessed: 30.07.2021).

формально нельзя признать критическим. Однако *фактически* все выглядит не столь позитивно. В отличие от других направлений в Северной Африке и Сахеле спад политической (и военной) активности имел место, но не был столь же значительным в удельном отношении. Растущую обеспокоенность ФРГ не могла не вызывать ситуация в Мали (в частности, двукратное силовое оттеснение гражданской администрации военными в 2020—2021 гг.). Не столь быстрым и эффективным, как предполагалось на Берлинской конференции в 2020 г., оказалось и урегулирование в Ливии. Притом именно эти два направления в начале 2020-х гг. являлись важнейшими для приложения политико-дипломатических и военных усилий ФРГ.

Чем же тогда объяснялся спад контактов на высшем уровне в германо-алжирских отношениях? В Алжире с июня 2020 г. возобновились протесты против ФНО и НДО, ключевую роль в которых играло движение Хирак. Его сторонники жестко выступали против доминирования на внутривосточной арене сил, связанных с экс-президентом А. Бутефликой. Это, особенно вкуче с продолжением течения пандемии, в определенной мере сковывало активность нового алжирского руководства, а с учетом деградации ситуации в Мали ФРГ была прежде всего заинтересована в партнерах, готовых оказать существенную практическую помощь. Определенным «раздражителем» стало и углубление сотрудничества Алжира с РФ: в «борьбе вакцин» алжирская сторона не демонстрировала готовности отдавать предпочтение Евро-Атлантическому сообществу²⁸. Большое значение играет и фактор окончания «эры» А. Меркель в самой ФРГ: ее администрация, уделяя повышенное внимание внутренним сюжетам (особенно в условиях незавершенности борьбы с пандемией и, главное, ее социально-экономическими последствиями), сосредоточилась на наиболее перспективных направлениях, способных принести результат

²⁸ В частности, Алжир первым в Африке одобрил российскую вакцину «Спутник V», осуществляя ее массовые закупки.

уже на «коротком шаге». Алжирское к числу оных не относится, однако, безусловно, недооценивать его важность и особенно потенциал не следует, о чем, в частности, свидетельствуют масштабы военно-технической кооперации.

Особенности двустороннего сотрудничества в военной сфере

На пути координации усилий в области обороны существовало значимое препятствие: фактический отказ Алжира от использования армии за пределами государственных границ, в том числе в Мали и Ливии. Это сужало, но не исключало тактического взаимодействия с бундесвером. Так, оно возникло в начале 2016 г. после развертывания разведывательных и сухопутных войсковых подразделений в северомалийских провинциях Гао, Кидаль и Томбукту, прилегающих к границам Алжира (Hanish, 2015). Мониторинг ситуации (прежде всего с помощью беспилотников) с целью недопущения инфильтрации боевиков в преимущественно «зачищенные» районы, перегруппировки их сил и восстановления облегчал патрулирование пограничной зоны алжирскими войсками. Вместе с тем следует признать, что решающую роль непосредственно в борьбу (а не отслеживание перемещений) с незаконными вооруженными формированиями вносили войска Мали, Франции (в рамках операции «Бархан» (Barkhane)) и сил стран — участниц АС в составе миссии МИНУСМА (Tull, 2019, pp. 1—3), а не малочисленные собственно миротворческие подразделения ФРГ. Их численность резко сократилась в марте-июле 2020 г. вследствие временной эвакуации части контингента бундесвера на родину в условиях пандемии (Major, Schulz & Vogel, 2020, pp. 2—3), однако быстро, уже к осени 2020 г., была восстановлена²⁹.

Запуск военно-морской миссии ЕС «Ирини» в 2020 г. в территориальных водах

²⁹ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

Ливии и прилегающей акватории Средиземного моря расширил «окно возможностей» для практической координации усилий ВМС Германии и Алжира³⁰. Безусловно, таковая существовала и ранее, будучи обусловлена проведением операций «София» (2015—2019 гг.) и «Морской страж» (с 2016 г.), однако, исходя из особенностей мест проведения (основная операционная зона «Ирини» пролегла непосредственно вблизи берегов Алжира), была не столь широкой. Этому способствовали и закупки для алжирских ВМС германских фрегатов МЕКО 200 (табл. 1).

«Узким местом» двустороннего сотрудничества является неучастие бундесвера в учениях алжирских войск. Если в случае ВМС здесь есть достаточно четкие перспективы (в частности, проведение двусторонних маневров в ходе дружественных визитов фрегатов и корветов ФРГ в порты Алжира), то в случае армии и военно-воздушных сил они не просматриваются.

Основным «драйвером» германо-алжирского сотрудничества в военной сфере выступал экспорт оборонной продукции ФРГ в эту страну, динамика которого отражена в табл. 1.

Во второй половине 2010-х гг. Алжир уверенно занимал 1-е и 2-е места среди государств — импортеров германской военной продукции, а среднегодовой объем экспорта составлял свыше 1 110 млн евро (!), что создавало определенную «страховку» развития диалога.

Двумя основными статьями поставок германских вооружений в Алжир выступали:

— фрегаты и компоненты их оснащения (вплоть до бортовых вертолетов), что говорило об обоюдной заинтересованности в наращивании надводного потенциала ВМС Алжира и их вклада в обеспечение безопасности в Средиземноморье;

— грузовики и бронированная техника (в том числе без башен с пушками), особенно

востребованная в условиях пустынь, составляющих основную площадь приграничных зон Алжира на западе, востоке и особенно юге. Большие объемы запчастей требовались для амортизации быстро изнашиваемых в условиях песков Сахары и жары парков грузовиков и бронетехники.

Помимо извлечения огромной коммерческой прибыли ФРГ продажей военной продукции инвестировала в собственную безопасность — алжирская армия выступала существенным фактором сдерживания роста террористических группировок в северной части Африки и сужала географические и функциональные возможности их проникновения через Средиземное море в ЕС.

В 2020 г. военный экспорт в Алжир упал более чем в 10 раз по сравнению с 2018—2019 гг. и почти в 20 раз — по отношению к среднегодовому показателю 2016—2017 гг. Безусловно, важную роль сыграл фактор COVID-19, стимулирующий перенаправление значительных средств алжирского бюджета на социальные нужды. Однако Алжир также опустился на 15-е место в рейтинге экспортеров (притом, что Египет сохранил свое место в тройке, купив германской военной продукции на 763,7 млн евро³¹). Определенную роль в этом сыграло «пресыщение» армии и флота Алжира новой техникой из ФРГ в предшествующее пятилетие. Улучшение ситуации непосредственно у границ Алжира (заметные сдвиги в урегулировании ливийской проблемы, смещение основного очага нестабильности в Мали из северной части на юго-восток) также не стимулирует сохранение исключительно высоких уровней закупок вооружений у Германии. Нельзя не отметить заинтересованность Алжира в диверсификации поставщиков оборонной продукции (в том числе за счет России).

Снижение объемов импорта вооружений из ФРГ продемонстрировало, что в начале 2020-х гг. двусторонние отношения с Алжиром проходят непростую фазу своего развития.

³⁰ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten Operation EUNAVFOR MED IRINI // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/27661, 17.03.2021. S. 4—6.

³¹ Ibid. S. 100.

Таблица 1

Экспорт германской продукции военного назначения в Алжир в 2009—2020 гг.

Год	Объем (число сделок), млн евро	Место Алжира среди топ-20 импортеров военной продукции ФРГ	Основные статьи экспорта	Отчет об экспорте вооружений
2009	9,0 (17)	—	Седелные автопоезда	Rüstungsexportbericht 2009, S.109
2010	19,8 (12)	—	Грузовики	Rüstungsexportbericht 2010, S. 114
2011	217,4 (8)	8-е	БТР, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2011, S. 77—94
2012	286,7 (20)	3-е	Армейские внедорожники, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2012, S. 77—94
2013	825,7 (37)	1-е	Грузовики, армейские внедорожники, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2013, S. 82—99
2014	163,7 (22)	7-е	Грузовики и запчасти к ним	Rüstungsexportbericht 2014, S. 86, 101
2015	411,4 (29)	6-е	Грузовики и запчасти к ним	Rüstungsexportbericht 2015, S. 82, 97—98
2016	1 418,1 (41)	1-е	Фрегат, грузовики и запчасти к ним, торпеды	Rüstungsexportbericht 2016, S. 74—89
2017	1 358,8 (28)	1-е	Фрегат, палубные вертолеты, грузовики и запчасти к ним, торпеды	Rüstungsexportbericht 2017, S. 73, 89
2018	818,1 (29)	1-е	Грузовики, БТР, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2018, S. 72, 87
2019	846,6 (24)	2-е	Грузовики, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2019, S. 82, 102
2020	76,3 (16)	15-е	Грузовики, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2020, S. 100, 114

Источник: составлено автором по: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie, 2013. S. 77—94; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2014. S. 82—99; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2015. S. 86, 101; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. S. 82, 97—98; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. S. 74—89; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. S. 73, 89; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. S. 72, 87; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019 (Rüstungsexportbericht 2019). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. S. 82, 102; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020 (Rüstungsexportbericht 2020). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. S. 100, 114.

Table 1

Export of German military products to Algeria, 2009—2020

Year	Volume (number of deals), mln euros	Algeria's place among the top-20 importers of military products in Germany	Main export items	Report on Military Equipment Exports
2009	9,0 (17)	—	Semi-trailer trucks	Rüstungsexportbericht 2009, S.109
2010	19,8 (12)	—	Trucks	Rüstungsexportbericht 2010, S. 114
2011	217,4 (8)	8	Armoured personnel carriers and parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2011, S. 77—94
2012	286,7 (20)	3	Light utility vehicles, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2012, S. 77—94
2013	825,7 (37)	1	Trucks, light utility vehicles, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2013, S. 82—99
2014	163,7 (22)	7	Trucks and parts for it	Rüstungsexportbericht 2014, S. 86, 101
2015	411,4 (29)	6	Trucks and parts for it	Rüstungsexportbericht 2015, S. 82, 97—98
2016	1 418,1 (41)	1	Frigate, trucks and parts for it, torpedoes	Rüstungsexportbericht 2016, S. 74—89
2017	1 358,8 (28)	1	Frigate, naval helicopters, trucks and parts for it, torpedoes	Rüstungsexportbericht 2017, S. 73, 89
2018	818,1 (29)	1	Trucks, armoured personnel carriers, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2018, S. 72, 87
2019	846,6 (24)	2	Trucks, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2019, S. 82, 102
2020	76,3 (16)	15	Trucks, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2020, S. 100, 114

Source: compiled by the author in accordance with: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie, 2013. S. 77—94; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2014. S. 82—99; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2015. S. 86, 101; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. S. 82, 97—98; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. S. 74—89; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. S. 73, 89; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. S. 72, 87; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019 (Rüstungsexportbericht 2019). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. S. 82, 102; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020 (Rüstungsexportbericht 2020). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. S. 100, 114.

Взаимодействие по урегулированию вооруженного конфликта: кейс Мали

Важнейшей составляющей практической кооперации Германии и Алжира выступало обеспечение сонаправленных усилий по урегулированию вооруженных конфликтов на севере Африки.

Первым подобным случаем координации усилий двух государств стала ситуация в Мали. Угроза обрушения института государства в Мали в условиях восстания туарегов с начала 2012 г., резко усилившаяся по мере радикализации повстанцев, принятия ключевой роли террористическими группировками («Ансар ад-дин» и «Аль-Каида в Исламском Магрибе»³²), вызвала растущую обеспокоенность Алжира и Германии. Однако обе стороны в этот период не были готовы к использованию своих войск в Сахеле: Алжир — в принципе, ФРГ — в боевом плане, следуя в этом отношении в фарватере действий Пятой республики, которая являлась традиционным гарантом безопасности на бывших территориях французской колониальной империи. В период проведения операции «Сервал» (Serval) (январь 2013 г. — июль 2014 г.) и на первых этапах осуществления миссии-преемницы «Бархан» (с июля 2014 г. имела как боевую, так и небоювую составляющую) ФРГ придерживалась концепции «разгрузки» при использовании бундесвера: оказание логистической, медицинской помощи войскам партнера (Международная миссия под африканским руководством по поддержке в Мали (АФИСМА) и МИНУСМА), а также обучение в его тылу вновь формируемых и реорганизуемых подразделений и частей армии Мали (Тренировочная миссия ЕС в Мали (EUTM Mali)).

Несмотря на ограниченность масштаба задействованных военных ресурсов, ФРГ отправляла Алжиру «сигнал» о принципиальной готовности участвовать в решении региональных проблем безопасности. В дипломатическом плане выражением этого, прежде всего, стало участие представителей МИД Германии, а не только Франции в межмалийских — между делегациями официального Бамако и «умеренных» туарегов —

³² Организация запрещена в РФ.

переговорах о примирении, проходивших в Алжире. Они завершились подписанием договоренностей 15 мая и 20 июня 2015 г. о прекращении огня, разоружении антиправительственных комбатантов, сохранении территорий с частично туарегским населением в Мали в обмен на федерализацию образуемых ими северных провинций Гао, Кидаль и Томбукту³³.

Выработка алжирских договоренностей в 2015 г., сопровождаясь установлением достаточно доверительных отношений ФРГ с властями — как с центральными в Бамако, так и местными на севере Мали — открыла широкое «окно возможностей» для увеличения спектра задач и объемов применения бундесвера в Сахеле. Германия окончательно утвердилась в роли «рамочного государства», то есть ключевого координатора в рамках тренировочной миссии ЕС в Мали, ответственной за подготовку и переобучение правительственных войск³⁴. Параллельно бундесвер принял на себя ключевую нагрузку в функционировании базы «Лагерь Кастор» миссии МИНУСМА в Гао и проведении в ее интересах всей тактической разведки — как с помощью наземных подразделений, так и с использованием беспилотных аппаратов³⁵. Все эти меры объективно содействовали усилению безопасности Алжира. В свою очередь, успешное обеспечение им охраны своих границ способствовало силам МИНУСМА в недопущении восстановления позиций террористических группировок на севере Мали.

Исключительно важным стал обмен информацией, а также координация усилий по мониторингу выполнения межмалийских договоренностей 2015 г., которые осуществля-

³³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.2016. S. 4—6.

³⁴ Ibid.

³⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1098, 07.03.2018. S. 4—8.

лись между Германией и Алжиром на высшем и высоком (главы МИД) уровнях³⁶.

В начале 2020-х гг. стала происходить заметная деградация ситуации в Мали. С одной стороны, незаконные вооруженные формирования (группирующиеся под эгидой «Исламского государства в странах Сахеля») (Tull, 2019b, pp. 2—5) сумели частично восстановить свои силы, перегруппировавшись со ставшего относительно спокойным севера Мали в юго-восточные районы и сопредельные территории Буркина-Фасо³⁷. Здесь возможности Алжира влиять на ход урегулирования были несоизмеримо ниже, чем в случае провинций Томбукту, Гао и Кидаль, что вкупе с непростой внутренней ситуацией сводило к минимуму возможность ФРГ получить эффективную поддержку от партнера по этому направлению.

С другой стороны, обвиняя (во многом справедливо) правительство и президента Мали И.Б. Кейту (дважды побеждавшего на выборах 2013 и 2018 г.) в неэффективном использовании огромной военной помощи, а также вновь обученных частей армии, малийские военные 19—20 августа 2020 г. оттеснили и арестовали гражданское руководство страны, создав «Национальный комитет спасения» (НКС). Передав де-юре часть властных полномочий переходным властям в сентябре 2020 г., 24 мая 2021 г. военные Мали повторно оттеснили гражданских представителей, что вызвало исключительную острую реакцию Франции — в частности, президент Э. Макрон заявил о возможности полностью прекратить операцию «Бархан»³⁸.

³⁶ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem algerischen Premierminister Abdelmalek Sellal // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 21.02.2017. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-algerischen-premierminister-abdelmalek-sellal-750060> (accessed: 30.07.2021).

³⁷ Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. S. 8—11.

³⁸ Францию обидели в Африке: там ждут Россию // РИА-Новости. 03.06.2021. URL: <https://ria.ru/20210603/politika-1735330640.html> (дата обращения: 30.07.2021).

Алжир обладал еще меньшими возможностями по оказанию влияния на ситуацию непосредственно в Бамако (в отличие от северомалийских провинций). Это существенно снижало практическую ценность Алжира как партнера для ФРГ, учитывая исключительную заинтересованность последней в сохранении и по возможности упрочении позиций в Мали — в пользу этого свидетельствовало установление и сохранение контактов с НКС, а также сохранение неизменным (в случае миссии МИНУСМА, 1,1 тыс. военнослужащих) и почти двукратное увеличение «потолка» инструкторов (до рекордных 600 солдат и офицеров) в составе EUTM Mali весной 2021 г. по сравнению с 2016—2020 гг.³⁹

Сотрудничество по урегулированию ливийской проблемы

В отличие от большой группы стран — участниц НАТО во главе с Францией и Великобританией (де-факто активно поддерживаемых США), ФРГ не приняла военного участия в силовом вмешательстве государств Запада в ход вооруженного конфликта в Ливии в 2011 г. Хаотизация ситуации в этой стране, в 2012—2014 гг. перетекшей в борьбу «всех против всех», не могла не беспокоить официальный Берлин: обладая протяженным побережьем, ливийская территория географически стала представлять стратегический плацдарм в Северной Африке для распространения угроз нестабильности в сторону ЕС. Эта стала особенно острой в середине 2010-х гг. на фоне мощного миграционного кризиса на территории ЕС, вызванного притоком масс беженцев и мимикрирующих под них боевиков из зон вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке, огромную роль в которых играли террористические группировки.

Однако в еще большей степени, чем на Ближнем Востоке (ограничившись принятием мер по «разгрузке» партнеров по II западной антитеррористической коалиции с зимы

³⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/28804, 21.04.2021. S. 1—3.

2015/2016 гг.), в случае Ливии ФРГ проявляла неготовность использовать свой военный инструментарий для борьбы с нестабильностью. Официальный Берлин ограничился участием в создании периметра «ограживания» ливийской проблемы: с севера эти функции возлагались на военно-морские миссии ЕС (прежде всего) и НАТО, с юга — силы EUTM Mali, МИНУСМА (все с участием ФРГ), а также операцию «Бархан», на западе — на Алжир.

Помимо охраны границы с Ливией ценность Алжира для ФРГ во второй половине 2010-х гг. была обусловлена сонаправленным оказанием дипломатической поддержки Правительству национального согласия (ПНС) во главе с Ф. Сарраджем. Соответственно, Германия, как и Алжир, в этот период критически относилась к успехам Ливийской национальной армии (ЛНА) Х. Хафтара. Как и в случае Мали, координация политических усилий происходила на всех уровнях, вплоть до высокого (в частности, ливийскому сюжету была посвящена встреча глав МИД двух стран в мае 2017 г.⁴⁰) и высшего.

Успешное наступление войск ЛНА весной и летом 2019 г. стимулировало поиск мер для оказания поддержки ПНС, а главное — обеспечению выхода Ливии из состояния перманентного вооруженного конфликта. Опираясь на поддержку Секретариата ООН (прежде всего спецпредставителя ООН в Ливии Г. Саламе), ФРГ к началу 2020 г. сумела обеспечить свою роль как модератора межливийского диалога.

После предварительных переговоров в Москве 13 января 2020 г., давших скорее отрицательный результат, но подготовивших почву для последующего успеха, 19 января 2020 г. состоялась Берлинская конференция по Ливии. Изначально в ее работе было заявлено участие пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, самой ФРГ, а также Италии, Турции, Египта, ОАЭ и трех международных структур — ООН, АС и ЕС. Непосредственно накануне запуска работы в

состав формата также вошли Республика Конго и Алжир. Несмотря на внутренние трудности, связанные с наступлением эпохи пост-Бутефлики, алжирская сторона проявила готовность участвовать в работе Берлинской конференции, будучи активно поддержана ФРГ⁴¹. По итогам переговоров были приняты решения о прекращении огня, запуске процедуры формирования общеливийских, то есть со смешанным участием уполномоченных от ЛНА и ПНС, органов управления. Для обеспечения мониторинга договоренностей о примирении, прекращении поставок в Ливию вооружений извне и прибытия наемников и учреждалась военно-морская миссия ЕС «Ирини», имевшая также воздушную разведывательную компоненту⁴².

Проработка технических деталей выполнения условий Берлинской конференции 19 января 2020 г. была осуществлена в ходе поездки министра иностранных дел ФРГ К. Мааса в Алжир и Тунис 23 января 2020 г.⁴³ В этот период обе стороны (официальные Берлин и Алжир) перешли как минимум де-юре от поддержки ПНС к занятию равноудаленной позиции от основных сторон конфликта⁴⁴. Это положение оказалось выигранным в условиях прогресса в урегулировании ливийской проблемы — прежде всего, формировании нового правительства в марте 2021 г. и обозначении стремления провести парламентские выборы в декабре 2021 г. Однако и в случае Ливии наблюдался определенный спад германо-алжирского сотрудничества в начале 2020-х гг.

⁴¹ Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch Europäische Union geführten militärischen Krisenbewältigungsoperation in Mittelmeer EUNAVFOR MED IRINI // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18734, 22.04.2020. S. 4.

⁴² Ibid. S. 2—5.

⁴³ Zusammenarbeit für Libyen intensivieren: Maas in Alger und Tunis // Auswärtiges Amt. 23.01.2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/algerien-node/maas-algerien-tunesien/2295050> (accessed: 30.07.2021).

⁴⁴ Bundeskanzlerin Merkel trifft General Chalifa Haftar // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 10.03.2020. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-trifft-general-chalifa-haftar-1729592> (accessed: 30.07.2021).

⁴⁰ Außenminister Gabriel trifft algerischen Außenminister Lamamra // Auswärtiges Amt. 08.05.2017. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/170508-am-algerien/289758> (accessed: 30.07.2021).

Уместно подчеркнуть, что в 2018—2019 гг. на фоне роста объемов координации усилий на ливийском и особенно малийском направлениях Германия проявила заинтересованность в налаживании кооперации с Алжиром по урегулированию еще одного вооруженного конфликта — в Западной Сахаре⁴⁵. Однако здесь, даже с учетом точечного (менее 10 человек) присутствия военных наблюдателей ФРГ, следует говорить скорее о «заявке на будущее», чем о создании практического задела. Таковой может возникнуть в условиях нового подъема германо-алжирских отношений.

Заключение

Имея все же достаточно ограниченные в практическом плане стартовые позиции, германо-алжирские отношения в области безопасности и обороны продемонстрировали взлет во второй половине 2010-х гг. Ключевая причина — взаимная заинтересованность в успокоении ситуации в Западной (особенно странах «сахельской пятерки») и Северной Африке, а также Средиземноморье. ФРГ была заинтересована в Алжире как «бастионе стабильности», влияющем на ситуацию во всех трех регионах, а Алжир в Германии — как в новом и дополнительном партнере в рамках решения острых проблем безопасности в северной части Африки, а также как источнике для диверсификации своих внешнеполитических контактов. Важную роль в подъеме отношений играло и наличие Франции как общего стратегического партнера.

⁴⁵ Algerien: Selbstbestimmte Zukunft // Auswärtiges Amt. 20.03.2019. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/algerien-node/aussenminister-maas-trifft-algerischen-amtskollegen/2201078> (accessed: 30.07.2021).

Чем обусловлен заметный спад сотрудничества в начале 2020-х гг. и главное — насколько он необратим? Помимо фактора пандемии COVID-19 важно подчеркнуть одновременный рост внимания сторон к внутренним сюжетам как из-за сложностей преодоления эпидемии, так и наступления новых политических эпох — в случае Алжира после ухода А. Бутефлики (апрель 2019 г.), а Германии — А. Меркель (сентябрь 2021 г.).

Обе стороны исключительно осторожно подходят к использованию своего военного инструментария, особенно в боевых действиях с незаконными вооруженными формированиями (НВФ), что снижает ценность одного партнера для другого. На данном этапе и в Ливии (из-за общего, хотя и медленного прогресса), и в Мали (смещение основной проблемной зоны на юг) Алжир не может объективно оказывать Германии такую же партнерскую помощь, как в середине — второй половине 2010-х гг.

Однако если на «коротком шаге» объемы сотрудничества будут существенно ниже отметки конца 2010-х гг., то в средне- и особенно долгосрочной перспективе будет наблюдаться восстановление масштабов координации усилий. Это обусловлено отмеченной выше фундаментальной заинтересованностью друг в друге как региональных (Алжира как внутреннего для севера Африки, Германии — как внешнего) гарантов безопасности, помноженной на стремление ФРГ упрочить здесь военно-политическое присутствие. Причина этого желания — сложность упрочения стратегических позиций на Ближнем Востоке и «хрупкость» на Среднем, что показала экстренная эвакуация бундсвера из Афганистана в первом полугодии 2021 г.

Поступила в редакцию / Received: 30.07.2021
Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список / References

- Богучарский Е.М. Дипломатия и внешняя политика независимого Алжира: эволюция главных направлений и приоритетов // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2008. № 2. С. 123—136. [Bogucharskiy, E. M. (2008). Diplomacy and foreign policy of independent Algeria: Evolution of main directions and priorities. *Vostok. Afro-Aziatskie Obschestva: Istorii i Sovremennost*, (2), 123—136. (In Russian).]
- Бородкина Н.В. Франция — Алжир: от политической риторики к политическим действиям (конец XX — начало XXI вв.) // Азия и Африка сегодня. 2013. № 6. С. 30—35. [Borodkina, N. V. (2013). France —

- Algeria: From political rhetoric to political action (the end of the 20th — beginning of the 21st century). *Asia and Africa Today*, (6), 30—35. (In Russian.)
- Васецова Е.С. Алжир в контексте региональной безопасности на Ближнем Востоке // Век глобализации. 2017. № 4. С. 82—91. [Vasetsova, E. S. (2017). Algeria in the context of regional security in the Near East. *Vek Globalizatsii*, (4), 82—91. (In Russian).]
- Жирнов О.А. Германская политика на Африканском континенте // Актуальные проблемы Европы. 2007. № 3. С. 114—133. [Zhirnov, O. A. (2007). German policy in the African continent. *Current problems of Europe*, (3), 114—133. (In Russian).]
- Казаринова М.И. Ключевые интересы ФРГ в Средиземноморском регионе // Панорама. 2017. Т. 29. С. 16—21. [Kazarinova, M. I. (2017). The key German interests in the Mediterranean region. *Panorama*, 29, 16—21. (In Russian).]
- Ткаченко К.А. Внешнеэкономические связи ФРГ с Северной Африкой // Азия и Африка сегодня. 2011. № 9. С. 57—61. [Tkachenko, K. A. (2011). External economic links of Germany with the countries of Northern Africa. *Asia and Africa Today*, (9), 57—61. (In Russian).]
- Ханнанова Г.А. Особенности внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке и Северной Африке // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 760—769. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-760-769 [Khannanova, G. A. (2017). Specifics of German foreign policy in the Middle East and North Africa, *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(4), 760—769. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-760-769>]
- Hanish, M. (2015). A new quality of engagement Germany's extended military operation in Northern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, (8), 1—5.
- Harder, M. (2013). Anforderungen an eine Europäische Maritime Sicherheitsstrategie. *SWP-Aktuell*, (43), 1—4.
- Kaim, M. (2013). Deutschland und das internationale Konfliktmanagement in Mali. *SWP-Aktuell*, (8), 1—4.
- Kinzel, W. (2020). Mali, der Terror im Sahel und Covid-19. *SWP-Aktuell*, (27), 1—4. <https://doi.org/10.18449/2020A27>
- Klute, G. (2013). *Tuareg-Aufstand in der Wüste. Ein Beitrag zur Anthropologie der Gewalt und des Krieges*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Lacher, W. (2018). Das Milizenkartell von Tripolis. *SWP-Aktuell*, (4), 1—4.
- Lacher, W. (2021). Unser schwieriger Partner. Deutschlands und Frankreichs erfolgloses Engagement in Libyen und Mali. *SWP-Studie*, (3), 1—42. <https://doi.org/10.18449/2021S03>
- Lacher, W., & Tull, D. M. (2013). Mali: Jenseits von Terrorismusbekämpfung. *SWP-Aktuell*, (9), 1—8.
- Major, C., Schulz, R., & Vogel, D. (2020). Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement. *SWP-Aktuell*, (51), 1—8. <https://doi.org/10.18449/2020A51>
- Mousli, M. (2019). Algerian-Russian cooperation: True strategic partnership? *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(2), 284—292. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-284-292>
- Mühlhausen, A., & Riedel, S. (2015). Algerien zwischen Transformation und Kontinuität. Stabilisierung autoritärer Herrschaft am Rande des Arabischen Frühlings. *SWP-Arbeitspapier FG Globale Fragen*, (1), 1—51.
- Peifer, D. (2016). Why Germany won't be dropping bombs on Syria, Iraq or Mali. *Orbis*, 60(2), 266—278. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2016.02.008>
- Pinfari, M. (2012). Tunisia and Lybia. In J. Peters (Ed.), *The European Union and the Arab Spring. Promoting democracy and human rights in the Middle East* (pp. 33—47). Lexington: Lexington Books.
- Pusztai, W. (2015). Libyen: Was wurde falsch gemacht? *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, (13), 1—4.
- Tull, D. M. (2017). Mali und G5: Ertüchtigung des Sicherheitssektors. *SWP-Aktuell*, (76), 1—4.
- Tull, D. M. (2019a). Rebuilding Mali's army: The dissonant relationship between Mali and its international partners. *International Affairs*, 95(2), 405—422. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz003>
- Tull, D. M. (2019b). UN peacekeeping in Mali. *SWP Comment*, (23), 1—4. <https://doi.org/10.18449/2019C23>
- Werenfels, I. (2018). Migrationsstrategie Marokko — Abschotter Algerien. In A. Koch, A. Weber & I. Werenfels (Hrsg.), *Migrationsprofiteure? Autoritäre Staaten in Afrika und das europäische Migrationsmanagement* (pp. 25—37). Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik.

Сведения об авторе: Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; ORCID: 0000-0001-7092-4864; e-mail: 1trunov@mail.ru

About the author: Trunov Philipp Olegovich — PhD in Political Sciences, Senior Research Fellow, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS); ORCID: 0000-0001-7092-4864; e-mail: 1trunov@mail.ru